

пачкать черным белое

Дмитрий Лион в Третьяковской галерее

ИГОРЬ ЧУВИЛИН

В Третьяковской галерее открылась выставка «Мироздание белого», представляющая графику Дмитрия Лиона, очередного шестидесятника, не дожившего до своей персоналки в национальной сокровищнице. Произведения для экспозиции помимо музея предоставили «Галерея у Яра», «Арт4» и частные коллекционеры.

Иногда хочется себе представить таких протохудожников, которые впервые в истории человечества провели палкой, рукой, камнем — не важно — по какой-то поверхности и ощутили восхищение, ну хотя бы удовольствие от того, что их действие оставляет след. Что художники были — известно, про наскальные рисунки, петроглифы и пещерную живопись понятно; гадать про аспекты первобытной психологии не будем. Но точно в каждом настоящем художнике-графике есть частица такого перворисовальщика.

Рисунки Дмитрия Лиона и зрителю не дают забыть, что они — это следы. Каждая черточка проведена рукой с инструментом, и совершенно ведь ясно — случилось это по произволу художника. Произведения Лиона вытягивают из зрителя какую-то очень простую, изначальную реакцию. Будто впервые обнаруживаешь, что линии могут быть начерчены человеком с каким-то умыслом. Ощущение это тем отчетливее, что умысел не сразу ухватывается. Сказать по правде, почти никогда до конца. В творчестве Лиона особенно. Беглый взгляд даже способен

счесть все нагромождение линий на его белых листах бессмысленным.

Но достаточно разглядеть крупницу смысла хоть в одном рисунке — и уже не оторваться от других. Важен не только характер изображений, но еще и выбранные темы. «Библейский цикл», «Судьбы русских поэтов», «Три жизни Рембрандта», «Благословите идущих»... Перечисление названий может набить оскомину. «Ну вот, опять», — уже хочется сказать, и только нервная дрожь лионовской линии останавливает от привычной реакции, на дидактическую «духовку и нетленку». Никаких нравов учений нет. Это даже не иллюстрации: тут нет прямого рассказа, и узнаваемых сюжетов тоже очень мало. Есть не защищенные благополучной формой боль и смятение автора.

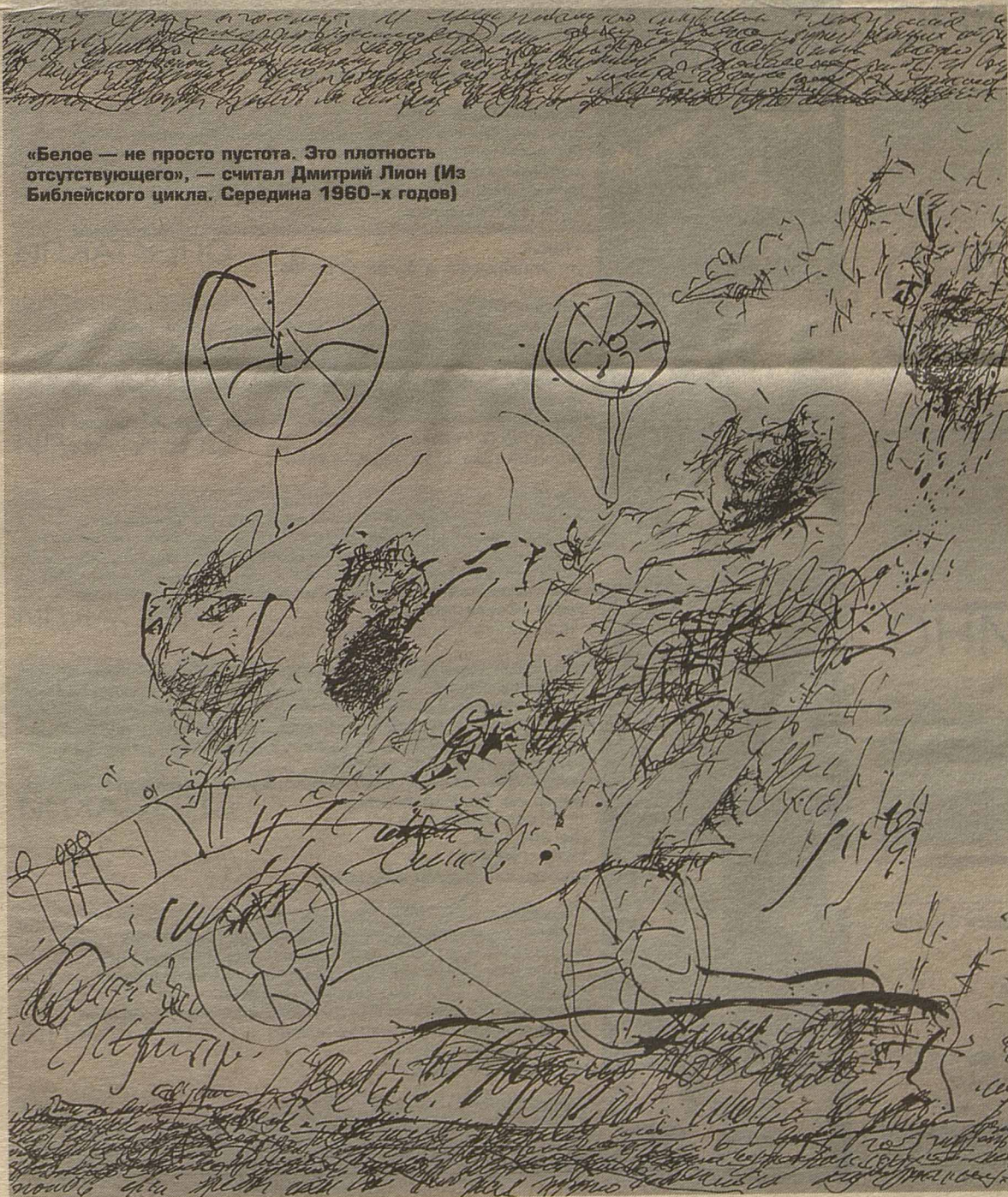
Эти утонченные, даже нервные рисунки сделаны не рафинированным затворником, а человеком весьма сурового жизненного опыта. Лион родился в 1925-м. С 1943-го по 1952-й был в армии, воевал на Западе и на Востоке, демобилизован по ранению. Но, по собственному признанию художника, услышан-

ная история холокоста потрясла его едва ли не больше, чем война, виденная вблизи. Эта тема навсегда останется для Лиона актуальной. Постоянная тема бегства, изгнания звучит в его работах на трагической ноте.

После службы он учился в Полиграфе у Чекмазова, ученика Кандинского, и у Захарова, ученика Митурича. Эти педагогические связки очень многое могут прояснить. Графика Лиона с ее самостоятельной выразительностью пятен черной туши или офортных линий — почти абстракция. Как нормальный первобытный художник, он не перестает удивляться чуду рисования и часто рисует тростниковой палочкой. Но для него графика — все же нечто большее: «...линия, штрих — следы духовных усилий». «Белое не просто пустота. Это плотность отсутствующего, плотность не материальная — плотность духа».

Лион включает во многие свои листы текст, точнее, вплетает в каллиграфию черных линий рисунок, превращая изображение в иероглиф, а буквы — в изображение, уравнивая их в значении. Намекает таким образом на первоисточники. Не только на древние, но и на Пушкина, например, с его первыми почеркушками на полях рукописей. Некоторые вещи Лиона очень похожи на пушкинские рисунки. Но при всем богатейшем культурном багаже его графика всегда возвращается к простому, к главному. К черному и белому, к явленному и скрытому.

«Белое — не просто пустота. Это плотность отсутствующего», — считал Дмитрий Лион (Из Библейского цикла. Середина 1960-х годов)

159